

4. Badmington N. Alien Chic: Posthumanism and the OtherWithin. – London: Routledge, 2004. – 203 p.
5. Badmington N. Posthumanism. – Palgrave Macmillan, Basingstoke, Hants, 2000. – 172 p.
6. Bakke M. Nieantropocentryczna tożsamość?//*Media/ciało/pamięć. O współczesnych tożsamościach kulturowych*. Pod red. Andrzeja Gwoździa i Agnieszki Ćwikiel. – Warszawa: Instytut A. Mickiewicza, 2006. – S. 64.
7. Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. – London, Profile Books, 2003 – 272 p.
8. Haraway D. A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s// 1985. – Socialist Review 80. – P. 65 – 108.
9. Harvey G. Animism. Respecting the Living World. – New York: Columbia University Press, 2006. – 248 p.
10. Hayles N. K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. – University of Chicago Press, 2008 – 364 p.
11. Garuba H. On Animism, Modernity/Colonialism, and the African Order of Knowledge: Provisional Reflections// e-flux journal #36. – July 2012. – P. 1 – 9.
12. Gell A. Art and Agency. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 271 p.
13. Latour B. Do Scientific Objects Have a History? Pasteur and Whitehead in a Bath of Lactic Acid// Common Knowledge. – Vol. 5, no. 1, 1993. – P. 76 – 91.
14. Latour B. Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. – Cambridge Mass.; London:Harvard University Press, 1999. – 324p.
15. Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 301 p.
16. Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition: the Realization of the Living. Springer, 1980 – 141 p.
17. Miah A. A Critical History of Posthumanism// Medical Enhancement and Posthumanity/ Ed. by Bert Gordijn, Ruth F. Chadwick. – Springer, 2008 – P. 71 – 94.
18. Robertson G., Tickner L., Bird J., Curtis B. FutureNatural: Nature, Science, Culture. – London: Routledge, 1996. – 310 p.
19. Spiegel G. The Task of the Historian// *American Historical Review*. – vol. 114, no. 1, February 2009. – P. 13.
20. Wolfe C. Animal Rites: American Culture, the Discourse of Species, and Posthumanist Theory. – University of Chicago Press, Chicago, IL, 2003. – 237p.
21. Wolfe C. What Is Posthumanism? – U of Minnesota Press, 2009. – 357 p.

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГІЇ ЛІТЕРАТУРНИХ ПОДОРОЖЕЙ

Мадлен ШУЛЬГУН

Київський національний лінгвістичний університет

Вивчається наукова рецепція подорожей в аспекті типології, виокремлюються наступні критерії типологізації: домінування документального або художнього начал, стилевий критерій, близькість “помежових” жанрів та інтенцій до жанрового синтезу, параметри авторських настанов. Дискутується можливість застосування цих параметрів для характеристики сучасної літератури. Доводиться перспективність їх синтезу та ефективність нового – мета жанрового аспекту дослідження літератури подорожей.

Ключові слова: дискурс, жанр, подорож, символ, травелог, код семантизації, інтерпретація, рефлексія, метажанр.

Изучается научная рецепция путешествий в аспекте типологии, выделяются следующие критерии типологизации: доминирование документального или художественного начал, стилевой критерий, близость “пограничных” жанров и интенций к жанровому синтезу, параметры авторских установок. Дискутируется возможность применения этих параметров для характеристики современной литературы. Доказывается перспективность их синтеза и эффективность нового – цель жанрового аспекта исследования литературы путешествий.

Ключевые слова: дискурс, жанр, путешествие, символ, травелог, код семантизации, интерпретация, рефлексия, метажанр.

The article deals with scholarly treatment of travels in typological aspect. The following criteria of typology are distinguished: dominance of documentary or fictional principles, stylistic criteria, closeness of boundary genres trends to genre synthesis, parameters of authors' intentions. The possibility of using these parameters for studies in contemporary literature is discussed. Productivity of their synthesis and efficiency of new approaches is proved as the main aim of genre-centered approach to studying travel literature.

Key words: discourse, genre, travel, travelogues, symbols, code semantization, interpretation, reflection, metagenre.

Единая общепризнанная типология путешествий пока не создана. Причиной тому является сложность “свободного”, “диалектического” [12, с. 11], “гибридного” [4] жанра, который осуществляет экспансию в другие жанры и сам использует особенности разнообразных форм.

Кроме того, выработка типологии оказывается обусловленной решением других дискуссионных проблем – определением жанрового кода путешествий, параметров мета-жанровой парадигмы, установлением генезиса и вычленением фаз динамики. Очевидно, что на определенных исторических этапах доминировали конкретные формы (например религиозные и светские хождения, сентиментальные, романтические странствия), а современная литература предлагает такие новые экспериментальные и синтетические по своей природе разновидности, изучение которых потребует выработки специфических подходов и критериев типологизации.

Осознавая всю сложность проблемы, исследователи стремятся упорядочить и классифицировать широчайший спектр текстов. При этом выдвигается ряд критериев разделения на группы массива путешествий, сложившихся на определенных этапах развития жанра. Цель настоящей статьи – охарактеризовать эти критерии, обсудить их результативность, достоинства и недостатки с учетом динамики жанра и его современного состояния.

1. Прежде всего, промежуточное положение путешествий между художественной и нехудожественной сферами порождает наиболее общую классификацию по критериям сферы доминантного распространения и, соответственно, ориентации на определенный тип коммуникации, адресата. Это отражает авторские установки на отбор и интерпретацию материала. Так, например, М. Т. Шадрина в докторской диссертации “Эволюция языка “путешествий” [17] выделяет четыре группы текстов: паломническую литературу, религиозные путешествия, научные (ученые) путешествия и литературные путешествия. Заметим, что разделение, логичное в языковедческом труде, неприемлемо в литературоведческих исследованиях по ряду причин. Так оно не учитывает сложное взаимодействие художественного и научного начал. Вспомним, к примеру, яркие географические и этнографические составляющие “Фрегата Паллады” И. Гончарова, “Острова Сахалина” А. Чехова, “В kraю непуганых птиц” М. Пришвина и др. Заметим, что эта традиция подхвачена многими современными авторами, пишущими либо о “забытой” провинциальной России, либо же о ее “местах силы” (“В сетях твоих” Д. Новикова, “Енисей, отпусти!” М. Тарковского и др.) или же о других странах и культурах, остраняющих собственную (“Красный озnob Тингитаны. Записки о Марокко” М. Гиголашвили, “Пять рек жизни” Вик. Ерофеева, “Белорусское зеркало” Э. Гера, “Мальбург” С. Есина, “Апология Кишинева”

В. Чембарцевой и др.). Подчеркнем также запограммированные культурологические аспекты современных произведений – “Билета в Китай”, “Шести пальцев” А. Гениса, “Слова в пути” А. Вайля, “Мобильника” М. Бутова, “Пути и шествия”, “Птицы Карлсона” В. Березина и др. В современной литературе путешествий достаточно сильны и литературоведческие акценты, особенно часто присутствуют элементы биографического исследования. При этом используется, по определению писателей, “географическая мистика”, “археологический” и “архитектурный” подходы для разгадки тайн судьбы классика (“Дорога на Астапово” В. Березина, “Левушка и чудо” А. Балдина и др., в этих произведениях именно пространственный код позволяет расшифровать тайный смысл биографических событий и знаков судьбы, а также указывает на некие ментальные основы народа).

Этот синтез художественного и нехудожественного начал именно в путешествии имеет традицию научной и критической рефлексии. Еще Н. Г. Чернышевский отмечал способность путешествия аккумулировать разные дискурсы и гротескно соединять самые далекие установки и формы. “Путешествие – это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествознание. Каждому читателю дает оно все, что только хочет найти он” [16, с. 344]. Отметим, что в литературных путешествиях художественное начало доминирует, однако синтез художественной и научной сфер, а также использование различных языков культуры именно в современных текстах может быть стимулировано общими процессами, в частности актуализацией диалога, поисками синтеза, появлением нового синкретизма, который способствует выработке адекватных форм интерпретации сложной кризисной реальности.

Возвращаясь к классификации М. Т. Шадриной, отметим в качестве дискуссионного момента также неправомерное выделение хождений из группы литературных путешествий. Хождения, безусловно, содержат не только религиозное, но и эстетическое начало, которое имеет специфические, характерные именно для средневековой литературы черты. Отметим, однако, что подобное спорное вынесение хождений за рамки художественного поля встречается и в работах литературоведов, заостряющих вопрос о генезисе путешествий. Если видные медиевисты в качестве исходной точки путешествий называют именно хождения (Н. И. Прокофьев, В. П. Адрианова-Перетц, О. А. Белеброва и др.), то исследователи русской литературы XVIII–XIX веков зачастую истоки

жанра усматривают в XVIII веке, в частности в творчестве Карамзина. Отметим, что помимо теоретических аспектов, подчеркивающих специфику средневековой литературы, важным аргументом в пользу первенства хождений в генезисе жанра может быть доказательство преемственности традиций, отражения опыта паломничества в современной литературе, что входит в задачи нашего дальнейшего исследования.

2. Важным и наиболее широко используемым критерием типологизации путешествий является стилевой. В рамках этого подхода ученые выделяют “барочные хождения” [14; 15], “ сентиментальные путешествия”, “романтические путешествия”, “реалистические путешествия”, “постмодернистские странства (без цели)”. В исследованиях литературы XVIII века акцентируется, что “архетипической” моделью сентименталистской версии странствий является “Сентиментальное путешествие” Стерна, которое стало на долгое время образцом для подражания. В свою очередь, Н. М. Карамзина, безусловного новатора, давшего новое направление в развитии литературы странствий, называют “русским Стерном”, развившим предложенную модель в “Письмах русского путешественника”. Подобную характеристику можно считать справедливой лишь отчасти, учитывая яркое своеобразие произведения Карамзина, в частности его философскую наполненность, соединение ряда идей, художественных принципов, не ограничивающихся установками модели, предложенной Стерном. Динамика “сентиментального путешествия” рассматривается учеными в тесной связи с отдельными этапами развития самого стиля и в сопоставлении с модификациями иных, актуализированных сентиментализмом жанров, в частности эпистолярия. То есть совершенно справедливо указывается на активизацию жанрового синтеза, пересечение жанровых границ, что способствовало видоизменению самого путешествия, раскрытию его возможностей. Так, например, по мнению Н. В. Логуновой, автора диссертации “Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв.”, смена типов путешествия, как и типов эпистолярия, синхронизирована со стилевой динамикой. Так сентиментальное путешествие XVIII в. сменило реалистическое путешествие в форме писем, оно тяготело к определенному ракурсу, материалу и модальности – событиям истории, общественной жизни, этнографическим проблемам. В качестве примера приводятся “Письма русского путешественника” Глинки, “Письма из Парижа” Рылеева, “Письма из Сибири” Лунина [8].

В названной работе пропущены как звено в цепи метаморфоз жанра романтические путешествия, например, “Странник” (1832) А. Ф. Вельтмана и другие так называемые “путешествия воображения”, которые использовали актуализированную в эпоху романтизма игру, романные установки, оппозицию внутреннего и внешнего миров и др.

При этом возникает важный для понимания динамики жанра вопрос: не являются ли реалистические путешествия показателем переноса внимания с внутреннего мира, субъективности (что характерно для сентиментальных и романтических странствий) на внешний мир и документальность как принцип интерпретации (пусть и с учетом характерного для эпистолярия лиризма), то есть задействован процесс, обратный прежнему переходу от объективного начала (средневекового документализма хождений) к субъективному (сентиментальные и романтические путешествия). Если это так, то динамика жанра выглядит не линейной, она отражает повторы и возвраты на ином витке спирали к прежнему опыту и его различным источникам и, казалось бы, устаревшим образцам. Понимание подобного механизма обновления жанра может помочь объяснить и классифицировать разнообразие современных произведений, ориентированных на эксперимент, использование всего опыта развития жанра, всех ранее опробованных моделей.

3. Подчеркнем, что при создании типологии путешествий ученые учитывают критерий жанрового синтеза. Он приобретает свои особенности на конкретных этапах динамики путешествия, отражая системообразующую черту – легкое пересечение границ различных форм. “Мотив реальных странствий определяет сферу взаимодействия путешествий с народным эпосами различными жанрами художественной литературы в эпохи средних веков и Возрождения (исландская и ирландская саги, рыцарские и плутовские романы, “Божественная комедия” Данте” [5, с. 840]. Выделяют те жанры, черты которых на определенных этапах оказываются растворенными в путешествии либо же использующие путешествие как принцип, прием для достижения специфических целей.

Думается, что в рамках использования названного критерия типологизации необходимо различать и учитывать взаимодействие путешествий с близкими “переходными” жанрами и жанрами беллетристическими. Предполагаем, что на разных этапах динамики жанра путешествия взаимодействовали более тесно с одной из групп, что отражает процессы внутри самой жанровой системы, в частности выход в определенные периоды в ее центр “переходных” жанров, процессы синтеза и дифференциации.

Если рассматривать взаимодействие путешествия с родственными “переходными жанрами”, то отметим, что в научной рецепции по названному критерию чаще всего вычленяются “эпистолярные путешествия” и “путевой очерк”, а также различные виды “записок”, эссеистики, соединяющей элементы дневника, путешествия, “мыслей” и “опытов”. Наиболее изученным и репрезентативным образом являются “эпистолярные путешествия” XVIII–XIX в. (“Записки первого путешествия” Д. И. Фонвизина, “Письма русского путешественника” Н. М. Карамзина, “Письма из Парижа” К. Рылеева, “Письма в отечество из Силезии” Д. Шелихова, “Отрывок из письма о Саксонии” В. А. Жуковского, “Письма с берегов Лены” Н. С. Щукина, “Письма из Сибири” П. А. Словцова и др.). Именно этому кругу произведений посвящено большинство исследований.

Подчеркивая особую близость путешествия с произведениями “промежуточных” жанров, ученые предполагают, что это явление актуализируется в определенные культурные эпохи и в контексте динамики стилей, в частности сентиментализма, романтизма. Особенно часто синтезируются черты писем, дневника, мемуаров, эссе, путешествий. При этом выделяется одна из доминант, как бы поглощающая остальные составляющие, но не отменяющая их. В этой области в начале XIX века доминируют, по мнению некоторых ученых, именно письма. “Известно, что в литературно-общественной жизни России конца XVIII – первой половины XIX в. эпистолярная манера получила сильное распространение, стала своего рода модой, обретя до известной степени значение самостоятельного жанра. В ее облекались сочинения самого различного свойства: художественно-беллетристические, научные, публицистические, описания путешествий и т.д.” [13, с. 65]. Возникают “промежуточные жанровые образования”. “Характерные примеры такого рода повествований – “Походные записки русского офицера” И. И. Лажечникова и знаменитые “Письма русского офицера” Ф. Н. Глинки” [13, с. 38]. Ученые отмечают, что актуализация “промежуточных” жанров и их активный синтез, порождающий новые формы, стимулируется важными внутрикультурными сдвигами. В частности, историк А. Г. Тартаковский соотносит развитие мемуаристики, писем, путешествий, всякого рода записок с подъемом национального самосознания, вызванного войной 1812 года. Отметим, что данное явление нашло свое воплощение в конкретных формах и использовало опыт сентиментализма и романтизма, то есть подключается и неучтенный историком стилевой критерий.

В данном случае новое качество путешествий, рожденное синтезом с другими “промежуточными” жанрами, демонстрируется на материале литературы Нового времени. Но и средневековое искусство слова дает знаковые примеры подобных преобразований. К таковым можем отнести новаторское произведение XV в. “Хожение за три моря Афанасия Никитина”, в котором при доминировании жанровых принципов хождения (в светском его варианте) проявляются и черты только нарождающейся автобиографии, а также еще не ведомого средневековой литературе дневника или мемуаров. Именно этот синтез обеспечил новаторский, “прорывной” характер произведения. “К запискам Никитин (как и многие авторы дневников) обращался прежде всего для самого себя, чтобы осилить чувство одиночества <...> И именно такое отсутствие расчета на определенного и скорого читателя делало “Хожение” одним из наиболее “личных” памятников древней Руси; мы “знаем” Никитина, представляем себе его индивидуальность лучше, чем индивидуальность большинства писателей вплоть до XVII века” [10, с. 74].

Можем предположить, что органичный синтез “промежуточных” жанров, дающий новые импульсы развитию и видоизменению путешествия, обусловлен рядом факторов. Во-первых, наличием общей черты – ярко выраженного личностного начала, а также общим воплощением этой особенности – ведущей ролью повествователя, соотнесением его с биографическим автором. Во-вторых, жанры роднят наличие документальной основы. В-третьих, им присуща свобода в выборе форм, способов повествования, композиционного построения. В качестве общей черты может выступать и ретроспекция, в частности в мемуарах, путешествиях, письмах. Наконец подчеркнем характерный для “переходных” жанров принцип отбора и интерпретации материала – от конкретного факта к художественному обобщению.

Полагаем, что опыт взаимодействия “переходных” жанров, актуализируемый в кризисные периоды развития истории и культуры, может помочь в установлении своеобразия современной литературы путешествий, отражающей переходное художественное мышление.

Не менее плодотворным оказывается взаимодействие путешествия с жанрами художественной литературы. Путешествие активно проникает в наиболее авторитетную и свободную от канона форму – роман, – создавая гибридные образования, в которых зачастую сложно выделить доминанту одного из жанров. Исследователи подчеркивают органичный сплав художественных установок путешествия и романа в таких формах,

как “*рыцарский роман*” и “*авантюрный роман*”, “*приключенческий роман*”. Результатом подобного синтеза становятся поворотные произведения, давшие новый импульс развитию не только названных жанров, но и литературы в целом, поскольку моделировали новую картину мира, в полной мере реализуя “*мирообразующую*” (по М. Бахтину) функцию жанра. Это великие романы с глубоким философским, мировоззренческим подтекстом – “*Гаргантюа и Пантагрюэль*” Ф. Рабле, “*Робинзон Крузо*” Д. Дефо, “*Утопия*” Т. Мора, “*Путешествия Гулливера*”, “*Мертвые души*” Н. Гоголя и др.

Отметим, что данный критерий типологизации в полной мере применим к русской литературе второй половины XX века – начала XXI столетия. В качестве примеров актуализации синтетических форм путешествия и романа, повести, рассказа приведем “*Москву – Петушки*” Вен. Ерофеева, “*Черный, зеленый*” Д. Данилова, “*Одиночное путешествие на грани зимы*” В. Ремизова, “*Степанов и Князь*” Н. Климонтовича, “*Кролик, или Вечер накануне Ивана Купалы*”, “*Путь и шествие*” В. Березина (зnamенательно, что последнее произведение названо автором романом, но характеризуется критикой как “*сюрреалистические странствия*”), а также произведения Д. Быкова, в которых соединяются признаки путешествия и рассказа.

4. Следующим действенным принципом типологизации является тематический. Фактически, он является географическим, поскольку актуализирует цель маршрута – достижение определенного места, страны и описания своих впечатлений о них. У подобного принципа есть свои традиции, уходящие корнями вглубь веков. Так в эпоху античности разделяли путешествия по морю и по суше, давая каждому типу определенное наименование – периплы и перитезы. Этот принцип использован по отношению к русской литературе XIX века в некоторых работах иногда в сочетании с другими критериями. Именно так, например, поделен корпус произведений в диссертации Н. В. Ивановой “*Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века*” [6]. Исследовательница выделяет четыре группы произведений. Первую группу представляют “*путешествия по святым местам*”: “*Отрывки из путешествия Лейтцена в Иерусалим*”, “*Путешествие на богомолье в Саввин Сторожевский монастырь (Письма из деревни к Г. В.)*” Н. С. Голицына, “*Путешествие в Казань*” (Письмо к П. И. Шаликову) Е. А. Дадьянова, “*Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице*” Н. М. Карамзина, “*Путешествие по Египту и Нубии*

1834–1835 г” А. С. Норова, “*Тарантас*” В. А. Сологуба. Вторую группу образуют “*путешествия в Европу*”. Это “*Отрывок из письма о Саксонии*” В. А. Жуковского, “*Путешествие на гору Цотенберг*” и “*Письмо в отчество из Силезии* Д. П. Шелухова. Третью довольно обширную группу составляют “*путешествия на Кавказ*”. В нее входят путевые записки А. С. Грибоедова, “*Отрывки из записок о юго-восточной России*” С. Д. Нечаева, “*Письмо из Грузии в Астрахань*” М. Воротченко, “*Другое письмо из Грузии в Тотьму*” Е. Басина, “*Путешествие в Арзрум*” А. С. Пушкина; глава “*Бела*”, входящая в структуру романа “*Герой нашего времени*” Лермонтова. Последнюю малочисленную группу представляют “*путешествия в Сибирь*”: “*Письма с берегов Лены*” Н. С. Щукина, “*Письма из Сибири*” П. А. Соловцова.

Отметим возможность приложения этого критерия типологизации к современной литературе путешествий, но и одновременно его дискуссионность. Критерий позволяет определить векторы мировоззренческих поисков и акценты диалога культур. Скажем, его использование может продемонстрировать возрождение религиозного дискурса (новые хождения к святым местам или же к сакральным в контексте истории XX века локусам России – “*Иерусалим. Три дня без гида*” В. Щербакова, “*Наблюдение Стамбула*” А. Балдина, “*Соловки*” и “*Пинега*” А. Ильинской и др.). Позволяет продемонстрировать процессы поисков национальной идентичности и усиление диалога культур (западные и восточные философские и культурологические “*пейзажи*” у А. Вайля и П. Гениса, мифологизированные и демифологизированные “*имиджи*” Европы, Америки, Африки у Вен. Ерофеева, В. Березина, “*Моя веселая Англия*” М. Гончаровой) либо же сосредоточенность на периферии (у Д. Данилова и Н. Климонтовича), интерес к диким заповедным местам своей страны и др. Но этот же критерий имеет и существенный недостаток – это отсутствие эстетического измерения. Поэтому его использование видится продуктивным только в комплексе с другими параметрами типологизации.

5. В качестве критерия типологизации выдвигается также авторская интенция, дискурс, определенные гносеологические установки, которые предусматривают специфический отбор и интерпретацию материала. Данные установки являются метажанровыми по своей сути, если понимать под данным явлением внеродовой признак, который обуславливает типологическую схожесть разных жанровых форм или же, по определению Р. Спивака, устоявшийся инвариант многих

исторически конкретных способов художественного моделирования мира, объединенных общим предметом художественного изображения. “Поняття метажанр ще не набуло стійкої змістовності і потребує подальшого професійного осмислення, а тому можливі розбіжності у його визначенні і тлумаченні. Так, не без підстав деякі літературознавці розуміють під метажанром видову узагальненість низки жанрів в межах їх видової спрямованості (філософські, детективні, афористичні жанри, наукова фантастика тощо), ін. – по суті надають метажанру значення жанрового методу, або гносеологічної настанови, яка втілюється в системі типологічно подібних жанрів” [7, с. 324].

Отметим, что подобный критерий типологизации путешествий применялся по отношению не ко всему массиву текстов, а к некоторым из них. В частности, традиционно выделяются средневековые “загробные путешествия”, “философские путешествия” [1, с. 318] или же “интеллектуальное путешествие” [8] эпохи сентиментализма (этот тип описан преимущественно на материале “Писем русского путешественника” Н. М. Карамзина), романтические “фантастические странства”. Традиционно выделяются и утопические и антиутопические странства. Заметим, что выбор метажанровой “гносеологической установки” и “принципа моделирования мира” влияет на поэтику произведения. В частности, в сентименталистском “интеллектуальном путешествии” Карамзина акцентируется авторская субъективность, авторефлексия, изображение художественного и философского поиска, процесса творчества. Формирование нового типа путешествия отразилось на всех уровнях произведения – на сюжетном (странствие от мудреца к мудрецу), на формировании интеллектуальной интриги, отражающей скрытые сюжетные линии (к ним, в частности, исследователи относят “просветительскую” и “масонскую”). Произошли изменения и на уровне повествования, в частности, по мнению Т. Аллатовой, это отразилось в “многослойности” текста, знакомящего читателя с разнообразными сведениями о жизни Европы той поры; в моделировании сложной систему “голосов”, “точек зрения”, “масок” центрального героя-повествователя; в обращенности автора к “различной аудитории”, которая в большей или меньшей степени способна понять и разгадать “разбросанные то здесь, то там намеки и умолчания, проникнуть в скрытые “сюжетные” линии произведения” [1, с. 318].

Можно предположить, что в русской литературе XX – начала XXI века могут быть актуализированы специфические метажанровые формы и использование данного критерия покажет как модификацию старых,

так и формирование новых типов. В частности, предполагаем доминирование “экзистенциального” странства в контексте актуализации и пересмотра концепций человека и моделей героя в литературе данного периода (например, показательным образцом перевода путевых впечатлений в экзистенциальный план являются классические “Воды многие” И. Бунина, “Москва – Петушки” Вен. Ерофеева, а в современной литературе – “Енісей, отпусти” М. Тарковского и др.). Кроме того, критики уже отмечали формирование и расширение позиций “культурологических” странствий (“Путь и шествие”, “Птица Карлсон” В. Березина, “Билет в Китай” А. Гениса, “Слово в пути” П. Вайля, “Моя веселая Англия” М. Гончаровой и др.).

Эффективность применения метажанрового критерия типологизации заключается и в возможности нивелировать вопрос о принципиальном разделении установок путешествия и повести романа или даже стихотворной лирики в конкретном произведении (например сборник А. Алехина “Голыми глазами. Не только проза” состоит из путевых эссе, перерастающих в лирику), акцентировав внимание на особенностях взаимопроникновения различных жанров и видов литературы, на их взаимном обогащении, результатах синтеза.

Выводы. Специфика, пограничный характер “свободного” жанра путешествий, его способность осуществлять экспансию в другие формы и присваивать себе их составляющие порождает многообразие типов произведений и, соответственно, различные их классификации в научной рефлексии. Общая типология путешествий пока не создана, предложенные учеными модели охватывают отдельные периоды и аспекты динамики форм.

Исследование показывает, что ряд критериев типологизации, подложенных для описания массива произведений в конкретные периоды динамики путешествий, могут быть приложены к современному состоянию жанра, что, в частности, свидетельствует о последовательности и неразрывности его развития и дает материал для сравнения, выявления модификаций устойчивых моделей.

Усиление позиций путешествия в современную эпоху, отражение ими переходного мышления, преобразований в системе жанров, сложной стилевой динамики, а также процессов культурной самоидентификации потребует пересмотра устоявшихся критериев типологизации, фиксации новых необычных форм.

Перспективным представляется синтез критериев. При этом использование метажанрового принципа позволит отследить особенности “диалога” различных форм, вписать динамику и своеобразие современных путешествий в общий и самый широкий контекст литературных, культурологических, философских поисков кризисного времени.

ЛІТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. Философский дискурс эпохи в “Письмах Русского путешественника” Н. М. Карамзина / Т. Алпатова // XVIII век: литература как философия, философия как литература – XVIII e siècle: la literature comme philosophie et la philosophie comme literature: Научный сборник / Под ред. Н. Т. Пахсарьян. – М.: Экон-Информ, 2010. – С. 317–324.
2. Андриanova-Перетц В. П. Путешествия XVI века / В. П. Андрианова-Перетц // История русской литературы. – М., Л., 1946. – Т.2. – Ч.1.
3. Белеброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII в. / О. А. Белеброва // ТОДРЛ. – М., Л., 1972. – Т. 27.
4. Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дис. ... кандидата филол. наук / В. М. Гуминский. – М., 1979. – 184 с.
5. Гуминский В. М. Путешествие / В. М. Гуминский // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Главн. редактор и составитель А. Н. Николюкин. – М. : НПК “Интелвак”, 2001. – С. 839–841.
6. Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века : дис. ... кандидата филол. наук / Н. В. Иванова. – М., 2010. – 270 с.
7. Іванюк Б. Метажанр / Б. Іванюк // Лексикон загального та порівняльного літературознавства. – Чернівці : Золоті літаври, 2001. – С. 323–324.
8. Логунова Н. В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. : дис. ... кандидата филол. наук / Н. В. Логунова. – Ростов-на-Дону, 1999. – 268 с.
9. Лотман Ю. М. Створение Карамзина / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. Карамзин. – СПб, 1997.
10. Лурье Я. С. Русский “чужеземец” в Индии XV века / Я. С. Лурье // Хожение за три моря Афанасия Никитина / Издание подготовили Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. – Л. : “Наука” Ленинградское отделение, 1986. – С. 61–87.

11. Прокофьев Н. И. Литература путешествий XVI–XVII вв. / Н. И. Прокофьев // Записки русских путешественников. – М., 1988.
12. Стеценко Е. А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.) / Е. А. Стеценко. – М., 1999.
13. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – 311 с.
14. Травников С. Н. Динамика повествования и активность героев в барочных “рождениях” начала XVIII века (на материале произведения Иоанна Лукьянова) / С. Н. Травников // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Метод и жанр. – Л., 1985. – С. 11–20.
15. Травников С. Н. Путевые записки петровского времени. Поэтика жанра : дис. ... доктора филол. наук / С. Н. Травников. – М., 1991. – 440 с.
16. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. / Н. Г. Чернышевский. – М. : ГИХЛ, 1948. – Т. IV. – 997 с.
17. Шадрина М. Т. Эволюция языка “путешествий” : дис. ... доктора филол. наук / М. Т. Шадрина. – М., 2003. – 394 с.

МАСОВА ЛІТЕРАТУРА ЯК ВІРТУАЛЬНА РЕАЛЬНІСТЬ

Олена ЮРЧУК

Київський національний лінгвістичний університет

У статті йдеться про загальну культурну ситуацію “занурення в ілюзорне”, трансформаційні зміни в сучасній літературі, які виникають унаслідок подальшої симулякрізації віртуалізації світу. В центрі уваги творчість Ф. Бегбеде, Б. Вербера як представників масової літератури. Її симулятивну природу, віртуальний характер, маркетингову спрямованість, масштабність, жанрову парадоксальність розглянуто з позиції антропології й соціокультури.

Ключові слова: симулякрізація, віртуальна реальність, масова література, симуляція, репрезентація.

В статье речь идет об общей культурной ситуации “погружения в иллюзорное”, трансформационных изменениях в современной литературе, которые возникают вследствие дальнейшей симулякризации и виртуализации мира. В центре внимания творчество Ф. Бегбедера, Б. Вербера как представителей массовой